

ДРАМАТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В РАССКАЗЕ А.Н. ТОЛСТОГО «ПОДКИДНЫЕ ДУРАКИ»

Т.Х. Ахмадова,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»
e-mail: ahmadova.madina@mail.ru

Аннотация. В данной статье через драматизацию прозы, как способа изображения действительности, отражены коллизии как социального, так и индивидуально-личностного характера героя рассказа А. Толстого 1920-х годов «Подкидные дураки». Остановив внимание на противоречивых внутренних процессах, происходящих в человеческом сознании и психике, А. Толстой значительно усложняет структуру драматического конфликта, опираясь на диалог двух главных персонажей между собой: отчаявшимся, переживающим душевный кризис Ракитниковым и профессором Прищемихиным, исповедующим сугубо «позитивный» подход к жизни и к человеку, обосновывающего смысл бытия. В рассказе «Подкидные дураки» внутренний драматизм порожден безысходностью ситуации Ракитникова, в итоге осознающего бессмысленность своего существования, и подчеркивающую его личную драму. Драматический конфликт особенно усложняется, когда в качестве активной силы выступают внутренние противоречия человеческой натуры, психики, влияющие на поведение личности. Точка зрения А.Н. Толстого, выразившаяся в рассказе «Подкидные дураки», очень близка к позиции Ф.М. Достоевского. В рассказе очень своеобразно отразилась важная идея о связи переустройства общества с внутренним «переустройством» отдельной личности. За основу берется не объективно-внутренняя логика «сталкивающихся фактов», а логика авторского истолкования изображаемого. А. Толстой-новеллист стремился показать иллюзию объективного преломления противоречий времени не в сознании автора, а непосредственно в герое, который определенным образом их переживал.

Ключевые слова: рассказ «Подкидные дураки», драматический конфликт, А. Толстой, характер, сознание, психика, Ракитников, профессор Прищемихин, бессмысленность существования.

DRAMATIC CONFLICT IN A. N. TOLSTOY STORY «FOOLS»

T. H. Akhmadova,

candidate of pedagogical sciences, associate professor of the
Russian and foreign literature Department
Chechen state University

Abstract. In this article, through the dramatization of prose as a way to depict reality, the author reflects the conflicts of both the social and individual character of the hero of A. Tolstoy story in the 1920s ««Fools»». Focusing on the contradictory internal processes that occur in the human mind and psyche, Tolstoy significantly complicates the structure of the dramatic conflict, relying on the dialogue of the two main characters between themselves: the desperate, experiencing a mental crisis Rakitnikov and Professor Prishchemikhin, who professes a purely «positive» approach to the life and man, justifying the meaning of the life. In the story «Fools» internal drama is generated by the Rakitnikov's hopelessness situation, which eventually realizes the meaninglessness of his existence, and emphasizes his personal drama. The dramatic conflict is especially complicated when the internal contradictions of human nature and the psyche that affect the behavior of the individual act as an active force. A. N. Tolstoy's point of view, as expressed in the story «Fools», is very close to F. M. Dostoevsky's position. An important idea about the links of the society reconstruction with the individual internal «reconstruction» is reflected very peculiarly in the story. The basis is not the objective internal logic of «colliding facts», but the logic of the author's image interpretation. A. Tolstoy, the novelist, sought to show the illusion of an objective refraction of time contradictions, not in the author's mind, but directly in the hero, who experienced them in a certain way.

Keywords: story «Fools», dramatic conflict, A. Tolstoy, character, consciousness, psyche, Rakitnikov, Professor Prishchemikhin, meaninglessness of existence.

В рассказах А. Толстого второй половины 20-х годов драматизация прозы, как специфический способ изображения действительности, явилась прямым следствием усиления социально-психологической проблемности. Свой художественный анализ человека и эпохи А. Толстой старался осуществить как раз посредством объективизированного отражения коллизий как социального, так и индивидуально-личностного характера. Сосредоточивая внимание на противоречивых внутренних процессах, происходящих в человеческом сознании и психике, А. Толстой значительно усложняет структуру драматического конфликта. По мнению Хализева В., рассказам А. Толстого в значительной мере присуще внутреннее, а также внешнее действие, усложняющее их драматическое начало.

В рассказе А.Н. Толстого «Подкидные дураки» (1828), одном из интереснейших в его новеллистике 1920-х годов, есть важный период, на который исследователи творчества писателя почти совсем не обращают внимания. Акцент делаем на диалоге двух главных персонажей между собой: отчаявшимся, переживающим душевный кризис Ракитниковым и профессором Прищемихиным, исповедующим сугубо «позитивный» подход к жизни и к человеку:

«Одним словом так... — Ракитников поднялся со стула, губы у него затряслись. — Больше всего на свете меня интересует — повешусь я нынче ночью или не повешусь? (Здесь невольно вспомнились слова героя Тришатова из романа Ф.М. Достоевского «Подросток» «...ведь «нынче все вешаются», так как «много таких, как мы» [1, с.92].

Прищемихин прикрылся бровями, никотин захрипел у него в чубуке.

- Бросьте глупить, Ракитников, - с неожиданной мягкостью сказал он и затем, будто вознегодовав на себя, завопил: - Ерунда! Вы дикарь! С вами нельзя говорить языком науки... Вы не имеете понятия о законе больших чисел...Мы вступили в эпоху больших чисел, мы подваливаем к двум миллиардам. Неорганизованные выступления личности не изменяют статистических цифр. Мы знаем, что на каждый город полагается определенное количество самоубийств. Оно строго определено наукой. И вы через это число не перескочите...

- Посмотрим, - сказал Ракитников злоеце.

- Посмотрим, - свирепо выпятив бороду, повторил за ним Прищемихин. — Если в этом месяце число самоубийств исчерпано, - вы не повеситесь... жалко, я не знаю цифр...» [10, т.6, с.321-322].

В рассказе «Подкидные дураки», который сам А. Толстой называл вещью психологической, внутренний драматизм порожден безысходностью ситуации, в которой очутился Ракитников: «Нелепо, дико, непоправимо, катастрофично... Рачьей слизью перечеркнута вся жизнь... Он долго глядел в мокрое окно, — за ним по едва различимым крышам барабанила безнадежность... «В какой-то день я своротил с единственной правильной дороги. И вот — на дне... Здесь вопросов не разрешают. Зачем жить — ответа нет... Живи биологически, переваривай. А уж поставил вопрос — ответ один... Короткий...» [10, т. 6, с. 309, 314].

Интересно отметить попутно, что Ракитников в какой-то момент воспринимает себя как бы «актером», претворяющим вове свои переживания: «А не устроил ли он сегодня сам для себя страшенький театр, монодраму, под шум дождя, с перепоем?...» [10, т. 6, с. 323].

Ракитников начинает осознавать бессмысленность своего существования. Это приводит его к кризисной точке, когда очевидной становится необходимость нарушить любой ценой «мертвое» равновесие между «биологической» жизнью и совестью. Он не может в самом себе найти какой-то нравственной опоры. Сугубо рациональное обоснование смысла бытия дает профессор Прищемихин. Оно является абсолютно внешним по отношению к личности конкретного человека и подчеркивает личную драму [4, с.24] Ракитникова.

Казалось бы, драматизм ситуации может быть исчерпан лишь каким-то исключительным волевым усилием героя (вплоть до трагической развязки). Однако Толстой, в конце концов, возвращая героя «на круги своя», сразу сбрасывает напряжение драматического поля, а также и легкая ирония автора в отношении к герою несколько

нейтрализует драматическое начало в рассказе. Но оно есть, и именно оно обеспечивает повествованию социально-психологическую насыщенность.

Показывая- социальные истоки «сталкивающихся фактов», А. Толстой одновременно особое внимание останавливает на сложных внутренних процессах, происходящих в человеке и определяющих во многом его бытие, в трудное время перемен и потрясений.

Одним из важных принципов А. Толстого- новеллиста 20-х годов является психологизация драматического конфликта, служившая основой его «рассказа изнутри о борьбе человеческой личности в окружающей ее материальной среде» [6]. Совсем не удивляет нас то, что в рассказе «Подкидные дураки» драматизм возникает, как результат кризисных обстоятельств, т. е. события вызывают известную психологическую дисгармонию, а драматизм событий определяет не характер человека.

Драматический конфликт [5, с.9] особенно усложняется, когда в качестве активной силы выступают внутренние противоречия человеческой натуры, психики, влияющие на поведение личности.

Нужно отметить, что в философии профессора Прищемихина (идея «статистической» обусловленности жизни человека, рассуждения о «цифре», «проценте», через которые «не перескочить») обнаруживается отчетливый «рецидив» одной из социологических теорий прошлого времени, которая нашла отражение в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» [7, т.6, с.43]. Речь идет о «статистических» концепциях в социологии, получивших распространение в России во второй половине 1860-х годов благодаря переводам на русский язык книги бельгийского экономиста и статистика А. Кельте «Человек и развитие его способностей. Опыт общественной физики», а также работ его сторонников и последователей [Эти работы объединены в кн.: Общий вывод положительного метода. Спб., 1866], в частности немецкого вульгарного экономиста А. Вагнера, чье имя упоминается в романе [12, с.150-157]. В своей статье «Законосообразность в по- видимому произвольных человеческих действиях с точки зрения статистики» он писал: «Исследуя браки, самоубийства, преступления и развивая законы, управляемые ими, мы... можем с большой точностью предсказать наперед сколько браков, разводов, самоубийств и преступлений случится в следующем году и как они распределятся» [В кн.: Общий вывод положительного метода, с.378]. Таким образом, Вагнер делал попытку обоснования мысли о своеобразной предопределенности социальных проявлений личности о том, что действия индивида «произвольны» лишь с его субъективной точки зрения, но не с точки зрения социально-объективной реальности; они вполне поддаются учету и даже прогнозированию. Эти идеи горячо поддерживал известный критик и публицист В. Зайцев, убеждавший читателей в том, что «роковые цифры» статистики «весело смеются над человеческой уверенностью в своей свободе» [8, т.1, с.76].

«Положительный метод» (т.е. позитивизм), как и механический материализм, был глубоко чужд Ф.М. Достоевскому, страстному противнику тотального «научивания» бытия человека. Защищая свободу личности, реальную возможность самоопределения индивида в жизни и в обществе, Достоевский пытался развенчать любые попытки доказать фатальную обусловленность характеров и поступков людей средой, мироустройством.... Эта гуманистическая позиция нашла воплощение и в художественном творчестве, и в публицистике писателя.

Точка зрения А.Н. Толстого, выразившаяся в рассказе «Подкидные дураки», очень близка к позиции Ф.М. Достоевского. Притязания науки посредством логических, статистических и других квазирациональных методов «вычислить», «предсказать» человека, игнорируя при этом сознание и способность выбора, которые служили проявлением личностного начала, встретили недоверие А.Н. Толстого [11, с.453]. Наукообразные статистические доводы Прищемихина в рассказе только на первый взгляд выступают в качестве некоего «положительного» аргумента. А.Н. Толстому важно обнажить глубинную суть концепции профессора, в основе которой лежит мысль о фатальной обусловленности человека и его действий. Неприятие художником механического материализма Прищемихина проявляется и в ощутимой авторской иронии по отношению к нему, и в характерном

сопротивлении Ракитникова его рациональным выкладкам. А.Н. Толстой, впечатление от «формульной» картины бытия, нарисованное профессором, передает при помощи выразительного комментария: «Ракитников глядел на него, как раздавленная лягушка из-под сапога. Лучше бы остаться в неведении или справиться как-нибудь своими силами...» [10, т.6, с.321-322].

Человек как статистическая единица- это абстракция. А.Н. Толстой (с его слов) всегда «противился абстракциям» подменяющим живую жизнь [5, с.10]. Ему было свойственно недоверие к отвлеченному «чистому» разуму, схематизирующему бытие. Он был убежден в том, что «превышение в жизни чувств над умственным созерцанием охраняет человека от самого страшного- безнадежности, в которую заводит разум. Чувства- влага, в которой покоится разум» [11, с. 357].

Внеличный, «статистический» подход к человеку, в немалой степени принижающий значение и смысл конкретной человеческой судьбы, совершенно неприемлем для писателя. Такому подходу противостоит в рассказе художественная концепция автора, стремящегося «изнутри» показать душевную жизнь человека в драматическое время социальных перемен и психологических сдвигов. Жизненные противоречиями не могут отменить никакие «законы больших чисел». В рассказе очень своеобразно отразилась важная идея о связи переустройства общества с внутренним «переустройством» отдельно взятой личности. Путь к художественному анализу эпохи в рассказе А. Толстого «Подкидные дураки» лежит через раскрытие механизма взаимодействия индивидуально-личностного и социального аспектов, через «изображение-исследование» стихии «сталкивающихся фактов». Как правило, те противоречия, на которые писатель обращает особое внимание, не находят исхода в завершающем слове автора-повествователя, не происходит «снятия» непреодоленных реальных коллизий. Это существенный признак драматического способа изображения действительности, который обеспечивает высокий уровень объективности повествования.

Резкое ослабление авторского начала (в сравнении с ранней новеллистикой) повлекло за собой изменение форм выражения авторской художественной позиции, в значительной мере, ориентированной на объективно- изобразительное постижение действительности и человека, на учет различных и даже известных фактов, явлений и тенденций времени. За основу берется не логика авторского истолкования изображаемого, а объективно-внутренняя логика «сталкивающихся фактов».

Следуя этому художественному принципу, А. Толстой добивался не только концентрированности «энергии действия», но и достоверности и объективности в обрисовке характеров той эпохи в их непростых отношениях с действительностью. Таким образом, мы можем говорить об особой жанровой разновидности рассказов А. Толстого второй половины 20-х годов – психологической новелле с элементами драматизации повествования. Драматизация способствует возникновению концентрированной цельности повествования, новеллистического «по центростремительному характеру своей организации» [9, с.115].

А. Толстой-новелист стремился показать иллюзию объективного преломления противоречий времени не в сознании автора, а непосредственно в герое, который определенным образом их переживал. Процесс «бытия» этих противоречий Толстой показывает, как сложную внешнюю и внутреннюю реакцию человека на все то, что происходит не только внутри, но и вне него. Так выразилась творческая воля писателя к адекватному художественному воплощению времени, насыщенного борьбой, социальными эмоциями, психологическими коллизиями.

Ракитников становится жертвой не мечтательности, а чрезмерного его спокойного погружения в застойность материального благополучия. От него уходит жена, остаются только, так называемые «приятели с портфелями», думающие только о еде и водке. Конечно, Достоевский Ф.М. считал сострадание - «торжеством прекрасного начала в человеческой натуре, еще не испорченной жизнью и дурным воспитанием» [2:3], но здесь уже нет как-такового мотива сострадания герою. Толстой А. винит во всем Ракитникова, который

превратился в ничтожество. Автор в финале показывает свое откровенное издевательство над героем, задумавшего самоубийство, слушающего рассуждения соседа- профессора Прищемихина, который подводит под все жизненные процессы, в том числе и самоубийство, «геологическую» и «биологическую» базы... [10].

Таким образом, важнейшим компонентом драматического конфликта, согласно А. Толстому, являются внутренние противоречия личности, которые в значительной мере отражают и преломляют социальные коллизии. В основном, в таких случаях, художник больше внимание уделяет психологической подоплеке конфликта, раскрываемой в действии. Здесь не столь важен конечный результат борьбы (итог конфликта) и ее однолинейная логика, сколько фиксация изменений во внутреннем строе личности под влиянием происходящих событий. Кульминацией такого рода конфликта будет, как правило, момент наибольшего расхождения между социальным (объективным) назначением человека с его субъективными желаниями, стремлениями, как представителя определенной общественной силы.

Герой такой драматической *коллизии* сложен своей раздвоенностью. Автор при этом чаще всего выступает в роли исследователя: он не столько утверждает что- то, сколько стремится дать объективную картину «сталкивающихся фактов». Между новым и старым, добром и злом стоит человек, в котором определенным образом преломляется борьба этих начал. Человек одновременно и объект, и субъект этой борьбы. Драматизм ситуации заключается здесь не столько в силе и жестокости зла или косности, в доведенном до крайности внешнем противоречии, в напряжении борьбы, сколько в мечтаниях человека, переживающего как свои субъективные противоречия, так и объективные коллизии времени.

Особенностью восприятия А.Н. Толстым в 20-е годы социальных идей пореволюционной эпохи было не только переосмысление основ традиционной гуманистической морали, определявшей мировоззрение художника в ранний период его творчества, но и опора в новых условиях на те из них, которые обрели в его сознании силу истин. Рассказ «Подкидные дураки» - одно из свидетельств тому.

Список литературы:

1. Ахмадова Т.Х., Бурчаева Я.Р. Мотив «случайного семейства» как центральный мотив романа Ф. М. Достоевского «Подросток». Известия Чеченского государственного университета. № 4 (16), 2019. – С.88–92.
2. Ахмадова Т.Х., Авхадова Х.С. Образ «мечтателя» в произведении Ф.М. Достоевского «Белые ночи». Рефлексия. 2019. № 1. – С. 47–50.
3. Авхадова Х.С., Ахмадова Т.Х. Проблема «гибнущего таланта» в произведении Ф.М. Достоевского «Неточка Незванова». Известия Чеченского государственного педагогического института. 2018. Т.19. № 2 (22). – С.48–53.
4. Авхадова Х.С., Ахмадова Т.Х. Проблема «маленького человека» в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» /Ежегодная межрегиональная студенческая научно-практическая конференция «Взгляд современной молодежи на актуальные проблемы гуманитарного знания» 13 апреля 2019г. – С. 21–24.
5. Бурчаева Я., Ахмадова Т.Х. «Ротшильдовская идея» и «живая жизнь» в контексте становления личности главного героя в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» /Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Наука и молодежь» – Грозный: ЧГУ, 2019. С.7–10.
6. Гудзий Н. Толстой. О литературе. <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/gudzij-tolstoj-o-russkoj-literature.htm>
7. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. – Л., 1973.
8. Зайцев В.А. Избр. соч. – М., 1934, т.1.
9. Скобелев В. Поэтика рассказа. – Воронеж, 1982. –155 с.
10. Толстой А.Н. Полн. собр. соч. – М., 1948, т.6.
11. Толстой А.Н.: Материалы и исследования. – М., 1985. – 585 с.
12. Фридлендер Г.М. Реализм Достоевского. – М.: Л., 1964. – 483 с.